

ОТЗЫВ ОФИЦИАЛЬНОГО ОППОНЕНТА

о диссертации ДРЕЙЗИС Юлии Александровны на тему «Соотношение устного и письменного компонентов в поэзии на китайских идиомах», представленной на соискание учёной степени доктора филологических наук по специальности 5.9.8 – Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика

Диссертация Ю. А. Дрейзис представляет собой завершённое научное исследование, посвящённое анализу соотношения устного и письменного компонентов в поэтических текстах на нормативном китайском языке и на идиомах проблемного статуса (Юэ, Хакка, южноминьский и др.) в период с конца XIX века по начало XXI века. Это достаточно энциклопедический труд, охватывающий (как минимум) три большие темы и, в результате, – их синтезирующий: 1) проблема определения и описания территориальных вариантов языка / (близко)родственных языков и противоречия, связанные с понятиями и терминологией в этой сфере (Глава 1), 2) лингвистические (в основном, фонетические и орфоэпические) аспекты поэзии на китайском языке (Глава 2), системное описание поэтических произведений на территориальных вариантах китайского языка в синхронии и диахронии и взаимное влияние территориальных вариантов на стандартный язык (гоюй, путунхуа, их предшественники и варианты) (Главы 3-4). Кроме тематики, комплексность подхода прослеживается в охвате регионов: в противовес массовым исследованиям стандартного континентального языка путунхуа и формированию массовой иллюзии, что иные варианты не могут / «не достойны» быть объектами изучения в России, автор уделяет значительное внимание южным синитическим языкам / диалектам / тополектам: преимущественно, языку Юэ и южноминьскому языку – во множественности их вариантов.

Объект исследования определён как язык китайской поэзии, рассматриваемый в качестве особого целостного дискурса внутри китайского мира, то есть как один из дискурсов такого мира.

Предмет исследования – комплекс параметров структуры внутри и вне этих текстов, обусловленных ситуацией реального китайского многоязычия в синхронии и диахронии и особенностями морфосиллабической системы письма.

Цель работы состоит в выявлении и описании механизмов реализации устного и письменного компонентов в поэзии на идиомах с неоднозначным статусом. Для достижения цели автор решает следующие задачи: обосновывает применимость термина «тополект»; вводит и применяет понятия полиорфография, полиграфия, полиэпия, тополектизация и тополектная эпентеза; анализирует историческую динамику практик озвучивания поэтического текста на нормативном идиоме; рассматривает проблемы письменной фиксации тополектов Юэ и Хакка; разрабатывает количественную методику оценки степени вернакуляризации текстов; прослеживает эволюцию тополектной трансференции.

Материал исследования убедительно представлен в виде корпуса объёмом около 446 675 иероглифических знаков, из которых 51 639 знаков приходится на поэтические тексты на языках Юэ, Хакка и минь. Корпус охватывает период с конца XIX века по 2020-е годы и включает тексты, созданные в континентальном Китае, Гонконге, на Тайване и, частично, в китайской диаспоре.

Методология сочетает сравнительно-сопоставительный подход, лингвопоэтический анализ, элементы дискурсивного анализа и квантитативные методы (подсчёт процента тополектных слогоморфем, частотность тополектной эпентезы, расчёт лексического расхождения нормативного языка и территориального варианта и др.).

Структура диссертации включает введение, четыре главы, заключение, библиографический список из 653 наименований на семи языках и 12 приложений.

И обращение к теме, и сама диссертация являются актуальными: в России лавинообразно нарастает академическое (вузовское и научное) изучение китайского языка, однако, как мы многократно отмечали, масштаб обратно пропорционален качеству и предмету изучения; в настоящее время большинство научных трудов посвящено путунхуа – нормативному языку континентального Китая, причём истолкование этого языка всё чаще сводится к примитивным, «школьным» аналогиям с русским языком. Достаточно негативную роль играет также и массовость подготовки китайских русистов под руководством отечественных филологов. Поскольку в китайских средних и старших школах в курсе «Родной язык» не изучается грамматика, то категории русской филологии механически переносятся на исследования китайского языка, включая такие чувствительные сферы, как синтаксис и дискурсивные понятия, а иногда даже и на фонетику, не говоря уже о том, что морфологический уровень чаще всего уподобляется аналогичному в русском, при том, что китайский язык является изолирующим (с наличием агглютинации при формировании лексем, но без реляционных морфем на уровне предложения) и топиковым. При этом подобные примитивные и архаичные (вызванные «постмарристской травмой» в советском языкознании, о чём автор упоминает на С. 233 и далее) воззрения продвигаются достаточно агрессивно и безапелляционно. С нашей же точки зрения, подлинный китаист должен представлять себе языковое / диалектное / тополектное разнообразие китайского мира (континентальный Китай, Тайвань, Гонконг, Макао, Сингапур, диаспоры) и уметь в нём ориентироваться, включая элементарные навыки коммуникации «вне путунхуа» и шире, вне «гоюй» / «пекинского китайского». Классический идеал китаиста, сохранившийся в западных странах и долгое время поддерживавшийся в советское время, включает также уверенное знание классического литературного языка вэньянь, канцелярских вариантов путунхуа-гоюй, системные представления (как минимум) о корейском, японском и вьетнамском языках («Восточно-азиатский языковой союз» в формулировке В. М. Солнцева), равно как и представления о (множественных) парадигмах в общем языкознании. Нам приятно видеть, что во многом такой комплекс прослеживается в рецензируемой диссертации, и, надеемся, что автор руководствуется им при преподавании китайского языка и в ходе руководства научными исследованиями.

Центральным понятием данного исследования является территориальный вариант языка, который Ю. А. Дрейзис характеризует как «тополект» и предлагает в качестве терминологического соответствия китайскому термину «фанъянь» (в «обычном» / устоявшемся переводе – «диалект»). Другой распространённый термин – «один из синитических языков», если данный вопрос принципиален. В терминах тайваньского исследователя Хэ Ван-шуня (One-Soon Her) предложен также термин «укоренение» / индигенизация, если говорить о формировании современного тайваньского языка гоюй (см. 何萬順. 論台灣華語的在地化 // 澳門語言學刊. 2010. No 35.1 Хэ Вань-шунь. К вопросу об индигенизации тайваньского китайского языка // Лингвистический журнал Макао. 2010. № 35.1).

Вслед за В.Мэром [Mair 1991, 16] автор утверждает, что «китайские «диалекты», или идиомы проблемного статуса, представляют собой тип с противоречивыми критериями, поскольку они взаимно непонятны, но имеют общую культурную историю. Своеобразие китайской ситуации заключается в том, что она представляет собой исключение из принципа взаимопонятности. В других примерах наблюдаются «гиперспецификации по языку», а китайские идиомы демонстрируют случай «недоспецификации по диалекту» по политическим и культурным причинам» (С.49). С точки зрения автора (С.57–67), тополект – это «идиом промежуточного уровня между стандартом и территориальными диалектами в условиях многоязычия» (с. 67), при этом подчёркнут динамический аспект: тополект эволюционирует под влиянием различных внешних детерминант. Это вполне приемлемая точка зрения, особенно в случае, когда необходимо построить концепцию, связанную с поэзией – и с выделением чётких критериев. С нашей точки зрения, вполне достаточно

установления факта индигенизации в ходе диалектного процесса (т. е. процесса закономерного обособления идиома), что позволяет проводить изучение на любых очевидных стадиях такого обособления, не вдаваясь в дискуссии о диалектах, региональных языках, тополектах или регионалектах. Автору же, видимо, необходимо было очертить территориальные ограничения – для описания поэтических дискурсов в их рамках, поэтому возражений против термина «тополект» у нас нет. У Ю.А.Дрейзис – акцент на функциональной роли: тополект — индикатор языковых изменений в поэзии, где устное «вписывается» в письменное через тополектную эпентезу. «Тополектная эпентеза – приём письменного воспроизведения в поэтическом тексте на нормативном китайском языке (путунхуа / гоюй) устных форм тополекта путём добавления в строку одного или нескольких иероглифов, не несущих самостоятельной семантики и не читаемых при нормативном чтении, но обеспечивающих правильное озвучивание строки на соответствующем тополекте (прежде всего Юэ и Хакка)» (С. 174–178 и далее).

Следующими базовыми понятиями в диссертации являются «озвучивание» и «вписывание устного» (основное содержание второй главы). «Озвучивание» – то, что происходит в реальном звучании, когда стихотворение читают вслух. «Вписывание устного» — это то, что поэт заранее делает на бумаге / экране, чтобы при правильном (тополектном) озвучивании текст «звучал как предполагается и как необходимо»: предшествующая озвучиванию работа поэта по включению в графический текст элементов, которые активизируются именно при тополектном чтении вслух (С. 173–175, также С. 19–20, 135–139).

В связи с этим делаются следующие выводы: жанр «лансун», «поэзии для декламации» (朗诵诗) окончательно закрепляется в первые годы антияпонской войны (1937–1939) в континентальном Китае как стандартное обозначение любого публичного голосового исполнения поэтического (и вообще художественного) текста – по памяти и при чтении с листа, и тот термин остаётся доминирующим до настоящего времени; авторы «поэзии для декламации» того периода впервые чётко связали теоретическое обоснование озвучивания стихов на нормативном идиоме с практической задачей утверждения общенационального произносительного стандарта. В этом контексте характерен частичный возврат к рифмованным и ритмически упорядоченным формам, что сознательно или бессознательно повторяло роль рифмованной классической поэзии в поддержании средне- и новокитайского койне образованного сословия (включая экзаменационную практику). Появление «поэзии для декламации» положило начало институционализации публичного озвучивания поэзии. Процесс достиг максимальной степени в период активного языкового реформирования (середина 1950-х – середина 1970-х гг.), в том числе, и в период культурной революции; практика декламации поэзии перестала быть инструментом межличностной коммуникации и превращается в средство экспрессивной демонстрации коллективной субъектности и поддержки тотального / тоталитарного языкового нормирования, включая очевидно выраженную языковую политику в целом.

Третья глава достаточно подробно, в ней описаны факты и исторические события, проведена их систематизация. Отмечено, что письменная фиксация тополектов Юэ и Хакка в поэтических текстах с конца XIX в. по настоящее время прошла четыре стадии: 1) до 1920-х – спорадическое использование отдельных иероглифов-омофонов (мукьюко); 2) 1920-е – 1950-е – появление устойчивых систем лунчау и намъям; 3) 1960-е – 1990-е – почти полное вытеснение тополектной письменности нормативным письмом на материке и параллельное развитие самхэптай в Гонконге; 4) 2000-е – 2020-е – возрождение и цифровизация тополектной письменности (включая новые гибридные формы) (С. 364–366); 2) в отличие от нормативного идиома гоюй / путунхуа, в поэзии на тополектах Юэ и Хакка устный и письменный компоненты не находятся в отношении взаимного вытеснения, а образуют континуум: письменный текст изначально рассчитан на однозначное тополектное озвучивание и не предполагает нормативного чтения (С. 368–369), 3) стратегии письменной

фиксации на тополекте Юэ: а) полиорфография (множественные варианты записи одного слога); б) полиграфия (одновременное использование нескольких систем письма в одном тексте); в) полиэпия (сознательное использование иероглифов с несколькими возможными тополектными чтениями для создания звуковых эффектов) (С. 343–351). Также убедительные выводы сделаны по отношению к тополекту Хакка: в поэзии на Хакка – наибольшее лексическое расхождение с нормативным идиомом (в среднем 38–42 % лексики не имеет прямых эквивалентов в путунхуа), что делает невозможным её адекватное нормативное озвучивание без значительных потерь смысла и звучания (С. 355–357). Следовательно, поэзия на тополектах Юэ и Хакка представляет собой крайний случай реализации устного в письменном виде: письменная форма подчинена устной традиции и не претендует на независимое бытование, что прямо противоположно ситуации в поэзии на нормативном идиоме (С. 377–378).

В Главе IV автор фокусируется на механизмах тополектной интерференции и трансференции в текстах на нормативном идиоме, с акцентом на эпентезу как ключевой приём. Автор доказывает, что 1) тополектная эпентеза в поэзии 1920–1940-х гг. функционировала как инструмент имитации устной речи, обеспечивая ритмическую и фонетическую совместимость с тополектным озвучиванием (преимущественно Юэ и Хакка), с частотностью 15–25% в анализируемом корпусе. (С.515–516), 2) лингвистическая интерференция с южными тополектами (Юэ, Минь) доминирует в ранней «новой поэзии», вызывая трансференцию в форме лексических заимствований и морфологических вставок, что усиливает вернакуляризацию текста (С. 516–517), 3) в период языкового регулирования (1950–1970-е) эпентеза подвергалась цензуре, что приводило к «инверсии»: тополектные элементы минимизировались, а интерференция подстраивалась под нормативные формы (С.517–518), 4) в 21 веке тополектная эпентеза возрождается как приём острания и дефамилиаризации, с преобладанием северных тополектов и использованием цифровых медиа для множественного чтения (С. 518–519).

Автор приходит к заключению, что модель четырёх этапов тополектной трансференции (1920–1930-е: интерференция; 1940–1950-е: нормализация; 1950–1970-е: инверсия; 2000-е: возврат) подтверждает роль поэзии как индикатора языковой политики в многоязычии (С. 519–520), аргументы представлены убедительно, с этим вполне можно согласиться, при этом, в целом, тополектные эпентезы и интерференция демонстрируют недискретность устного и письменного: нормативный текст становится гибридным, с потенциалом множественного озвучивания, что переопределяет традиционную дихотомию (С.520).

Таким образом, научная новизна работы заключается в следующем:

- обоснован термин «тополект» применительно к реальности китайского мира с его множественностью вариантов,
- обоснованы понятия полиорфографии, полиграфим, полиэпии, тополектизации, тополектной эпентезы, – опять же, применительно к реальности китайского мира с его множественностью вариантов,
- разработана и применена к фактическому материалу квантитативная методика оценки вернакуляризации,
- выделены и описаны четыре этапа тополектной трансференции,
- системно описаны стратегии фиксации тополектов Юэ и Хакка.

Если говорить о теоретической значимости данного исследования в целом, то она состоит в фундаментальном уточнении представлений о соотношении устного и письменного в языках с морфосиллабической письменностью и применении такого уточнения на весьма обширном текстовом материале.

Таким образом, рецензируемая научная работа представляет собой первое системное исследование диалектного письма в современной китайской поэзии на материале сочинений более 50 авторов (1942–2020 гг.), корпуса из нескольких тысяч стихотворных

произведений. Её ключевая лингвистическая ценность состоит в разработке типологии способов передачи диалектной речи средствами китайской письменности: выявлены фонетические, лексические, и стилистические маркеры «диалектности», описаны стратегии авторов при взаимодействии устного и письменного типов речи / модусов в условиях диглоссий. Исследование вносит вклад в социолингвистику (соотношение литературной нормы путунхуа и региональных вариантов), историческую диалектологию (в широком понимании: фиксация современного состояния региональных вариантов – через литературный текст), а также в теорию художественной речи – демонстрируя, как поэты используют диалект / тополект для выражения локальной идентичности и создания особого эстетического эффекта при помощи языковых маркеров.

Практическая значимость – в возможности применения результатов при чтении большинства теоретических курсов по специальностям, связанных с китайской филологией: теоретической фонетике, стилистике, истории языка, диалектологии, при комментировании и переводе поэзии на тополектах и при чтении курсов по китайской лингвопоэтике и социолингвистике.

К достоинствам работы относятся чёткость терминологии, репрезентативность корпуса, прозрачность расчётов и корректное соотнесение лингвистических данных с историческим контекстом, внимание к деталям транскрибирования местных вариантов озвучивания.

Все положения, выносимые на защиту, доказаны и подтверждены обширным, фактически, энциклопедическим языковым материалом.

Диссертация в целом, в силу системности, убедительности и объёма материала, научной новизны, оставляет в целом благоприятное впечатление.

Тем не менее, встречаются фрагменты, которые могут показаться недостаточно понятными, не слишком чётко сформулированными и, с нашей точки зрения, – должны были быть уточнены.

В 1988г. была защищена докторская диссертация Аркадия Михайловича Котова (Стилистика китайского языка в сопоставительном аспекте. М., 1988), она доступна в библиотеках Москвы, позднее её текст лёг в основу достаточно, к сожалению, краткого учебника по стилистике. Основная (новаторская) мысль и вывод данного исследования: функциональные стили китайского языка формируются, прежде всего, – как различные соотношения / пропорции разговорного языка байхуа и литературного языка взньянь. Вряд ли безвременно ушедший из жизни А.М.Котов значительную часть текста посвятил поэтической речи (мы не отметили этого ни в его тексте, ни в беседах с лично с ним в 1980-е гг.; его предыдущая – кандидатская – диссертация была посвящена научному стилю), тем не менее – тематика и предмет рассмотрения – пересекаются, и мы полагаем, что знакомство с подобным текстом могло бы вдохновить Ю.А.Дрейзис на новые значимые / онтологические обобщения.

В тексте относительно часто упоминается выдающийся лингвист Чжао Юань-жэнь (пп.177-170 в перечне источников, три текста, один из которых – учебник), однако из рассмотрения исключён его наиболее значимый труд: «Грамматика...» 1968 г. (Chao Y.R. A Grammar of Spoken Chinese. Berkeley, 1968), где впервые ясно говорится о топиковой типологии китайского языка и о том, что в разговорной речи на флективных языках присутствует неизменная имитация деятеля и действия, что в китайском присуще лишь речи художественной или переводной научной. Собственно, в диссертации Ю.А.Дрейзис синтаксические и типологические аспекты фактически исключены из рассмотрения, но если бы они были проанализированы (или затронуты) в приведённых текстах (топиковый / подлежащий синтаксис, банальная / художественная метафора и т.п.), наверняка, диссертация только бы выиграла (основной акцент делается (лишь) на сопоставительно-фонетический / фонологический аспект).

Автор делает вывод и подтверждает гипотезу о важной, возможно, детерминирующей роли баланса между письменным и устным вариантами языка, но можно ли в целом спрогнозировать направления движения как тополектов, так и меняющегося стандарта на тех или иных территориях? (хотя для континентального Китая, и, видимо, Гонконга всё социолингвистически прозрачно и без поэтической речи, достаточно руководящих документов и повседневного общения в настоящее время).

Если рассматривается период с конца 19 века по настоящее время, то есть – период (частичной, но ощутимой) вестернизации поэзии и представлений о реальности, то насколько такая поэзия по задачам и структуре отвечает «западным» идеалам, к примеру, пониманию и разъяснению поэзии М.Хайдеггером («прозрачность языка / бытия»; статьи, к примеру, «Гельдерлин и сущность поэзии»; «Из диалога о языке. Между японцем и спрашивающим») или, всё же, в основном, она остаётся «тополектно-китайской» по сути? Если это было показано в тексте диссертации, то, видимо, недостаточно явно.

При описании и упоминаниях языка Минь и его соотношения с нормативным тайваньским языком гоюй из рассмотрения автора, скорее всего, выпали труды известных профессоров Дэн Шоу-синя (к примеру, «Lectures on Chinese Modern Syntax», Taipei, 2022, Вводная часть: С.1-26) и Хэ Вань-шуня (см.выше), которые данной проблематикой вполне концептуально, плодотворно и долго занимаются.

Частные неточности или недоговорки. На С.302 говорится, что классификатор с числительным «один» может выступать в роли / позиции артикля и аналога притяжательной частицы лишь в определённых тополектах (а именно, в Юэ), хотя, видимо, стоило бы уточнить, что позиция артикля вполне типична и для «северной» речи в континентальном Китае и на Тайване): 她是一位老師; кроме того, в «континентальной» речи встречаются «замещения» типа 我一直問個不休, 你何時跟我走...; где 個 эквивалентно «нормативному» 得 перед результативом (т.н. «комплементом»; и, хотя это не «притяжательная» частица, но – тем не менее).

Диссертация защищается в 2025 г., однако о языковой ситуации в Гонконге говорится с ремаркой «по крайней мере, так было до 2018 г.» (С.356). Язык Юэ по-прежнему доминирует в этом регионе, хотя после 1997 г. школьники и госслужащие вполне уверенно стали говорить на путунхуа, однако наиболее драматические перемены (ускоренно) начали происходить после событий лета 2020 г., что совершенно доступно для наблюдения, в том числе, и при общении с гонконгцами в настоящее время.

В фрагменте, где говорится о языке байхуа в Гонконге (то есть о языке паква) (С.42 и далее), не упоминается (хотя автор, скорей всего, хорошо это знает), что паква озвучивается («читается») именно по-кантонски и на письме грамматически и лексически расходится с байхуа континентальным.

На С.52 говорится, что в языке Юэ – девять тонов, на С.301 – одиннадцать (хотя речь идёт о более частных местных разновидностях, что стоило бы всё же подчеркнуть), на С.379 – шесть. Все эти суждения более-менее понятны, но, тем не менее, необходимы пояснения, чтобы не вводить в заблуждение непросвещённого читателя (учитываются различающиеся критерии).

На С.416 не упоминается (или не подчёркивается), что реальный тайваньский разговорный язык гоюй во многом расходится с континентальным стандартом путунхуа – фонетически, грамматически, и, в значительной степени, лексически.

Тем не менее, указанные спорные моменты не влияют на положительную оценку диссертации в целом.

Представленный автореферат соответствует основному содержанию и структуре диссертации.

Итоговый вывод: диссертационное исследование Дрейзис Ю. А. является законченной научно-квалификационной работой, в которой содержится новое решение научной проблемы взаимодействия устной и письменной форм языка в условиях многоязычия на материале китайских идиомов проблемного статуса, – проблемы, имеющей важное значение для развития теоретической лингвистики, социолингвистики, теории письма, ряда смежных отраслей. Работа соответствует требованиям, предъявляемым к диссертациям на соискание учёной степени доктора филологических наук, согласно п. 2.1 раздела II (докторская) Положения о присуждении учёных степеней в федеральном государственном автономном образовательном учреждении высшего образования «Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы», утверждённого учёным советом РУДН (протокол № УС-1 от 22.01.2024 г.), а её автор, Юлия Александровна Дрейзис, заслуживает присуждения учёной степени доктора филологических наук по специальности 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика.

Официальный оппонент –
КУРДЮМОВ Владимир Анатольевич
доктор филологических наук
по специальности 10.02.19. Теория языка,
профессор, профессор кафедры китайского языка
Института иностранных языков
ГАОУ ВО «Московский городской педагогический университет»

« 27 » ноября 2025 г.

Государственное автономное образовательное учреждение высшего образования города Москвы «Московский городской педагогический университет»,
сведения об организации:
129226, Москва, 2-й Сельскохозяйственный проезд, д. 4, корп. 1
Тел.: +7 (499) 181-24-62
E-mail: info@mgpu.ru

